

ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ И СТОЛИЧНОСТЬ В ОБРАЗЕ СОВЕТСКОЙ КАЗАНИ

Статья посвящена изучению формирования и взаимодействия граней единого образа Казани, присущих городу как столице и как провинции. Вопрос рассматривается на основе примеров, относящихся к 60-м – первой половине 80-х гг. XX столетия.

Ключевые слова: код столичности, синдром провинциальности, преодоление «отсталости» и «серости».

Проблема образа Казани поставлена в рамках темы обыденной жизни города «брежневской эпохи». Этим отрезком ограничивается интересующий этап советской истории города. Обращение к нему должно способствовать выделению ранее оформившихся стратегий моделирования образа города и их вариаций, порожденных меняющимся контекстом.

Амбивалентные категории «провинциальность» и «столичность» при описании одного города объясняются присутствием контрастных эпитетов в высказываниях современников и историографических оценках.

Обращение к истории брежневских времен для реконструкции казанской обыденности не является первым. Важно упомянуть монографию «Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX веке» [1]. В ней проблематика подана с перспективой ретрансляции наблюдений на подобные (провинциальные) города региона. Однако определение Казани как провинциального города в советский период спорно. Первым доводом служит тот факт, что в 1920-м г. она стала столицей автономной республики [2. Л. 2].

Чтобы представить полюса городской иерархии, внесем ясность в терминологию. Определение «провинция» в советских словарях присутствует как категория римской или далекой отечественной истории. В современных энциклопедиях термин приравнивается к захолустности [3]. Наполнение культурологическим содержанием приводит к восприятию провинциальности как «характеристики способа восприятия ценностей культуры, удержания лишь значений, которые приобретают форму общепринятых мнений» [4, с. 369–370].

Если вспомнить определение столицы как главного города государства, в котором, как правило, находятся органы власти [5, с. 1288], то Казань не могла претендовать на столичность. Впрочем, утверждение о столице автономной республики не противоречит истине. Нелишним будет наблюдение об изначальном формировании губернских городов в виде уменьшенных копий столицы [6, с. 127], что создавало основу для переосмысления статуса.

Процесс превращения Казани начался в 20-е годы. В энциклопедиях дублируется утверждение, что в довоенные пятилетки город превратился в промышленный, научный и культурный центр, продолжил развиваться после войны [7, с. 527]. Предлага-

* © Клековкина Н.В., 2012

Клековкина Надежда Вадимовна (klekovkinanadez@yandex.ru, klekovkina_nadez@mail.ru), кафедра отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета, 420012, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, 74.

емые сферы стоит рассматривать как столичные свойства, так как перечисление их следует за констатацией высокого статуса.

Одна из стратегий обоснования «столичности» связана с утритированием культурного уровня. Путеводитель, ориентированный на туристов, перечисляет 4 музея, 6 театров, Дворец спорта, 36 клубных учреждений, 95 киноустановок, Дворец пионеров, 7 детских спортивных школ и 180 массовых библиотек [8, с. 11]. Тот факт, что цирк и концертный зал консерватории появились недавно, отмечается включением дат строительства, подчеркивающих, что город современен. Кроме того, применялась стратегия сочетания истории с современностью. Примером служит идея о Казани как «старом университетском городе и одном из научных центров современности» [8, с. 7].

Экономический уровень и наличие разнообразных промышленных предприятий упоминались менее детализированно. Краткость сведений объяснима не столько малой значимостью, сколько закрытостью информации.

Из приведенных примеров можно сделать вывод о превосходстве культурного компонента в разрешении вопроса о высоком статусе города для тех, кто не имел непосредственного опыта жизни в Казани.

Теперь следует рассмотреть воздействие задаваемых свойств на горожан. Существует мнение, что ощущение провинциальности – одна из латентных структур сознания, оказывающая влияние на индивидуальное самочувствие и коллективное поведение [9, с. 57]. Категория «синдром провинциальности» делится на составляющие: образ «отсталости» (отсутствие объектов, характеризующих развитие) и «серости» (минимальная содержательность городских символов) [4, с. 355]. Их исправление должно было способствовать отдалению от провинциальности.

Изживание «отсталости» вызывало рапорты о достижениях. Необходимо отметить, что внедрение утверждения о Казани как столице отличалось мягкостью. Если судить по статейным заголовкам в «Коммунисте Татарии»¹ сочетание слов «Казань» и «столица» встречалось не более трех раз в год или даже реже. Это компенсировалось периодичностью, находящей проявление не только в вербальном, но и в визуальном поле. Обращение к нему имеет значение, учитывая глубину воздействия [10, с. 234].

В связи с этим значима степень убежденности в принадлежности к городу высокого значения. Часть горожан перенимала положения без рефлексии. В результате характеристика «столичный» присваивалась самым неожиданным явлениям. В протоколе заседаний партбюро журнала «Чаян» встречается словосочетание «столичный журналист» [11. Л. 2] в контексте похвалы автору, переехавшему в город из районного центра и справляющегося с новой работой. Вероятно, пример можно было бы рассматривать как отражение ощущения коренных казанцев, но в той же профессиональной группе в качестве планки, которую только предстоит достичь, упоминался московский «Крокодил».

Попытки уподобления Казани столице приводили к заимствованию московских кодов и в борьбе с «серостью». Проследить это можно на примере архитектурного оформления. Повторением архитипного московского символа являлось оформление памятника Ленину на центральной площади города. Так же как и Красная площадь, площадь Свободы была местом средоточия официальной жизни республики. Московский образец был перенят настолько буквально, что постамент памятника декорировали схожим по оттенку гранитом и ступенчатыми трибунами, создавая аллюзию мавзолея (не только стилистическую, но и функциональную).

¹ Издание анализируется с учетом официального характера (журнал являлся основным теоретическим и политическим печатным органом обкома ТАССР) и степени его воздействия – все члены партии в республике обязаны были его выписывать и читать, что контролировалось на собраниях первичных партийных организаций. – *Н.К.*

Стремление к заданному образцу проявлялось и в других действиях, связанных с благоустройством. Например, в 1972 г. был открыт первый подземный переход [12, Л. 27]. Освоение подземного пространства виделось характеристикой крупного города. В открытии усматривали первый шаг к масштабному освоению подземного пространства, ведь идея строительства метрополитена возникла в семидесятые. Вторая волна слухов о собственной подземке в конце десятилетия была связана с переходом Казани в разряд городов-миллиоников.

Два предшествующих примера демонстрируют путь копирования готовых образцов. Впрочем, в архитектурном коде города можно найти примеры, подчеркивающие национальный колорит столицы республики. Самым очевидным являлся пригородный вокзал, вернее, мозаика – портрет республики в образе прекрасной девушки.

Поздние 60-е и начало 70-х годов можно обозначить как время строительства знаковых для города объектов. Особую гордость вызывало здание цирка (1967 г.). Изначально было решено отказаться от готового ярославского проекта и создать собственный [13, с. 238]. В его основе была концепция ультрасовременного облика посредством обращения к космической тематике.

Развитие дублирующего центра, лишённого официальных свойств, являлось еще одной особенностью поздних советских лет. Площадь под кремлем получила спортивный акцент с возведением Центрального стадиона (1960). Вместе со строительством цирка добавлялся зрелищный компонент. Приведенные аргументы стоит отнести к примерам, подтверждающим продолжение работы по выстраиванию образа города.

Однако, как бы ни интерпретировались символы Казани, они составляли лишь видимость. Очевидным признаком «не-столичности» являлась подчиненность. Частным признаком провинциальности были потребительские сложности. Не случайно поезд «Татарстан» воспринимался как «колбасный» [1, с. 357].

Очевидно, что ответ на вопрос о статусе города не может быть решен однозначно. Теоретическая база выстроена на трудах второй половины XIX века, а в них слишком негативна окраска провинции. Возможно, разделение провинции и провинциальности поможет дать взвешенную характеристику.

Статус столицы давал жителям города лишь эмоциональное успокоение. За него нужно было расплачиваться, заботясь о наполнении содержанием (правдоподобным, а временами и вымышленным) и поддержании собственной убежденности. Последнее объясняет, отчего недостаточно было наработок довоенного опыта и возникала потребность новых стратегий.

Среди казанцев существует мнение, что город только сейчас перестает быть провинцией. Это убеждение несправедливо, учитывая аргументы, приведенные в статье. Сведения имеют значение при учете связи облика места с неосязаемым «духом» местного сообщества.

Библиографический список

1. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX веке. Казань: Изд-во Каз. гос. ун-та, 2008. 452 с.
2. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф. 36. Отдел истории партии Татарского обкома ВКП (б). Оп. 2. Д. 13. Л. 15.
3. Провинциальность // Словарь синонимов. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/139850/ (дата обращения: 28.05.2011).

4. Гудков Л. Амбиции и ресентимент идеологического провинциализма // Новое литературное обозрение. 1998. № 3. С. 353–372.
5. Столица // Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 6-е изд., испр. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1990. 1632 с.
6. Козляков В.Н. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 125–203.
7. Казань // Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров; 6-е изд. испр. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1990. 1632 с.
8. Бобченко Т.С., Гарзавина А.В., Сеницына К.Р. Казань. Путеводитель. Казань: Тат. кн. изд-во, 1970. 208 с.
9. Рапопорт С.С. «Синдром провинциальности» творческой интеллигенции // Социологический журнал. 2005. № 2. С. 55–69.
10. Йон М. Имманентность и трансцендентность. Концепция народа как «звучащего тела» // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов. М.: АИРО–XX, 2002. С. 340–356.
11. ЦГА ИПД РТ. Ф. 7767. Первичная организация КПСС редакции журнала «Чаян». Оп. 1. Д. 23. Л 76.
12. ЦГА ИПД РТ. Ф. 8236. Личный фонд Мусина Рашида Мусиновича – первого секретаря Татарского обкома КПСС. Оп. 1. Д. 27. Л 36.
13. Остроумов В.П. Казань. Очерки по истории города и его архитектуры. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1978. 296 с.

*N.V. Klekovkina**

CAPITAL AND PROVINCIAL SIDES IN SOVIET KAZAN IMAGE

The article is devoted to the study of formation and interaction of Kazan image sides which characterized city as capital and provincial at the same time. The problem is analyzed on the materials referring to the beginning of the 60-ies – first half of 80-ies years of the XXth century.

Key words: capital city code, syndrome of provinciality, overcoming of «backwardness» and «ignorance».

* *Klekovkina Nadezhda Vadimovna* (klekovkinanadez@yandex.ru, klekovkina_nadez@mail.ru), the Dept. of National History, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008, Russian Federation.